

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2Рос=Чеч)

ЧЕЛОБИТНЫЕ ТЕРСКИХ ОКОЧАН 1614, 1616 гг.

Т. С. Магомадова

Окочане, или ококи, являлись небольшим субэтническим компонентом чеченцев, представителями первой миграционной волны в Терский город (1588 г.), в российский укрепленный центр на Северном Кавказе.

Переселение происходило около 1595–1596 гг. По сути, это были беженцы, покинувшие свою Окоцкую землю вынужденно. Их предводитель Ших-мурза, последовательный сторонник Москвы на Северном Кавказе, был убит кумыкским ханом, пытавшимся установить свою власть над оставшимися без вождя ококами. Это вынудило ближайших сподвижников Ших-мурзы оставить свои жилища и с семьями перебраться в царскую крепость под покровительство ее воевод [Русско-чеченские отношения 1997: 55, 73; Кушева 1963: 59–87].

Российская администрация первоначально охотно принимала под свою защиту представителей местных народов. Поставленные на службу царю, они могли оказать неоценимую для русских служилых людей помощь как проводники российской политики на Северном Кавказе. С согласия терских воевод под стенами крепости было основано поселение Окоцкая слобода для внушительной группы из чеченцев-ококов. Она была едва ли не первой слободой-«пригородом» Терского города. Чуть позже появится Черкасская слобода из переселенцев с Кабарды во главе с Сунчалеем Черкасским.

Поселенцы Окоцкой слободы в многочисленных русских документах XVII в. называются окочанами. Главной их обязанностью являлась служба московскому царю, за что им было положено хлебное и денежное жалование. Государственная служба заключалась в военных походах и защите крепости вместе с ее гарнизоном, в посреднической деятельности терской администрации

с народами Северного Кавказа, в проводах и встречах московских послов в Грузию и Персию, в выполнении функций гонцов во все уголки Кавказа и за его пределы, в сборе информации о положении в крае и др. Эта служба проходила под командованием воевод Терского города. Царское жалование часто задерживалось, в особенности в годы Смуты, поэтому окочане занимались земледелием, скотоводством и различными промыслами.

По источникам трудно определить, кто являлся главой чеченской общины в Окоцкой слободе. Терские воеводы, несомненно, признавали этот статус за Батай-мурзой. Он обладал политическим авторитетом, являясь племянником бывшего лидера ококов — Ших-мурзы. Батай-мурза был посланником в Москву в 1589 г. и заложником верности Ших-мурзы в Терской крепости. Батай, пожалуй, был единственным из общины окочан, кто владел титулом «мурза», обозначавшим на Северном Кавказе звание члена феодальной семьи. Под его началом воеводы отправляли терских новокрещеных, черкес и ококов, на ответственные задания [Русско-чеченские отношения 1997: 44–45]. В 1605 г. Батай вместе со своими узденями во второй раз отправился в Москву, теперь уже представляя царю Лжедмитрию I свою собственную персону, свои заслуги и интересы [Русско-чеченские отношения 1997: 46–51]. Однако в 1609 г. Батай-мурза тайно уехал из Терского города в Окоцкую землю [Русско-чеченские отношения 1997: 63–65]. Описание имущества и слуг Батая позволяют судить о нем как о человеке, занимавшем в социальной иерархии окочан весьма высокое положение.

Причина бегства Батай-мурзы от столь удачно складывавшейся жизни в крепости, видимо, кроется в притеснениях его со сто-

роны кабардинского мурзы Сунчалая Черкасского, имевшего планы усиления влияния над всем нерусским населением Терского города. Средства в этой борьбе могли быть самые изощренные. К тому же за Сунчалеем стояла мощная сила в лице приближенных к царю московских родственников мурзы [Кабардино-русские отношения 1957: 384–385].

После завершения периода Смуты и воцарения Михаила Романова политические связи Москвы с народами Северного Кавказа вновь активизируются. Ряд кабардинских и дагестанских владельцев получают царские грамоты о покровительстве Москвы [Кабардино-русские отношения 1957: 80–83; Русско-дагестанские отношения 1958: 27–33, 34–49].

Кроме поздравительной грамоты, послы привезли с собой челобитную — письменное прошение на имя царя [Белокуров 1889: 533–554]. Один из посланников, Ахмат Иналов, уведомляет в Москве: *И меня, холопа¹ твоего, Ахметка выбрали мои товарищи провести про твое царское величество и про многолетное здравие* [Русско-чеченские отношения 1997: 61]. Он и является главой этого небольшого чеченского посольства в Москву.

От имени 160 окочан челобитную подписали вместе с Ахматом Иналовым 19 наиболее уважаемых из диаспоры человек. Это *лучшие люди из окочан* [Русско-чеченские отношения 1997: 78]. Челобитная начинается с перечисления фамилий людей, которые подписали этот документ: *Царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Терского города окоцкие люди Урак Итинов, Табурка Ураков, Адыга Бибердин, Урак Молодой, Келя Илзияров, Дидей Мустапаров, Юзяшар Янбеков, Батыр Акин, Охмат Иналов, Одя Ятеков, Кентя Кербеков, Чюрюбаиш Алебеков, Табура Ураков, Урак Янмеков, Тербулат Бибердин, Арахча Мачюкин, Смамлка Ичин, Псенчей Чоробашов с товарищи 160 человек* [Русско-чеченские отношения 1997: 54].

Главной целью челобитной являлось описание тяжести службы и прошение о

выдаче хлебного и денежного жалования, которые задолжала им администрация Терского города. Челобитная окончана состояла из следующих сообщений.

1. Вышли они *из Акоз и из Мичкиз в Терский город «з женами, и з детьми, и з братьями своими при прежних твоих государевых воеводех...»;*
2. Воеводы *иным давали твоего государева жалованья выходного и на дворы по полтине, а иным <...> выходу и на дворы не давано ничего...;*
3. Служат они все царю, а государевым жалованием *хлебным и денежным не пожалованы!*. Часть окочан жалованием *поверстаны*, а иные нет;
4. *А которые поверстаны, тем не выдано жалованья уже 9 лет;*
5. *А служат всякие государевы службы окола о себя острог ставим и ров копаем всеми головами своими;*
6. *А посылают нас, холопей твоих, твои государевы Терского города воеводы на твои государевы службы в Грузинскую землю твоих государевых послов и грузинских послов встречать и провожати и в Кабарду и в Мирези и в Шибуты и в Окохи для твоих государевых подлинных вестей проводить и в шихотниках и для вестей и для твоего государева медвяного ясаку;*
7. *А также посылают их в Кумыкию, Дербент, и шах-Басовых послов встречаем и прожаем, и переносят всякие трудности, и часто происходят столкновения с оппозиционными России владельцами;*
8. Служат разные службы, *и бедность и нужу всякую терпели с твоими государевыми городовыми людьми вместе. А только бы, государь, мы, холопи твои, по се время сами собою паинишком не были сыти и не похали, и мы бы, холопи твои, по се время голодною смертью померли;*
9. *Да у нас же, холопей твоих, имали в станцах к Москве лошади и ... за те лошади из твоей государевой казны твой государев воевода денег не даывал;*
10. В заключительной же части окончана просят пожаловать государевым жалованием тех, кто им *поверстан*, и *достальных детей наших и братьев поверстати, кому они в версту*. А также *пожаловать своим государевым жалованием дати за выход, которая наша братья выходили*

¹ Слово «холоп» в тот период на Руси не только обозначало несвободного человека, но и, как в данном случае, употреблялось при обращении подданного к царю, будь то боярин, дворянин или иноземец.

на твое государево царство ... отчину в Терский город на житье [Русско-чеченские отношения 1997: 54–56].

6 сентября 1614 г. окочане Ахмат и Ачелей были на приеме у царя Михаила Федоровича. Важность службы иноземцев в далеком окраинном городе России хорошо понимали в Москве, которая испытывала повышенный интерес к чеченскому анклаву на своей границе, игравшему важную роль в налаживании русско-кавказских связей. Окоцкие посланники были торжественно представлены царю посольским дьяком (чиновником Посольского приказа) Петром Третьяковым.

Затем послы произнесли свою речь: *Прислали нас к нашему царскому высочеству все окочане поздравляти нас, великого государя, на наших великих и преславных государствах и бити челом о своих службах. А воеводы наши терские о их службах к нашему царскому величеству писали и службы ваши нашему царскому величеству ведомы. И мы окочан всех за их службы хотим жаловать. И вас ныне, пожаловав нашим царским жалованьем, отпускаем в нашу отчину на Терек. И вы б, окочане, все нашему царскому величеству служили и прямили, а мы, великий государь, учнем вас всех жаловать, смотря по вашей службе. А ныне наш указ о нашем жалованье вам, окочанам, к воеводам нашим на Терек велели есмь послать с вами вместе.*

И окочане, слыша государево милостивое слово, царскому величеству били челом и говорили, что они, окочане, все государю служить готовы и свыше прежнего, как они прежним государем царем российским служили, а на его царскую милость надежны [Русско-чеченские отношения 1997: 61].

Миссия послов завершилась удачно: их прошение было удовлетворено. Царский указ о жаловании окочанам был выслан терским воеводам вместе с Ахматом и Ачелеем.

Прибывшие одновременно с окочанам в Москву представители Сунчалаея Черкасского подали от его имени челобитную царю, в которой мурза просил о пожаловании его князем над окоцкими черкасы, чтоб мне, холопу твоему, перед своею братьею бесчесну не быть, а от тебя, государя, милость видеть [Кабардино-русские отношения 1957: 84–85]. Прощение кабардинского мурзы было также удовлетворено. В Москве была подготовлена царская грамота для него.

Возможно, в осуществлении этих замыслов могли помочь высокопоставленные кабардинские родичи, выехавшие еще в XVI в. на службу в Москву и занимавшие при царе государственные должности. В грамоте было велено: *Сунчалаю-князю над окочены и над черкасы, которые на нашей службе на Терке, быти князем и их судить и в ратном строенье и во всяких делах их ведать, и на нашу службу с ними самому ходить и в поход их с нашими людьми, по совету с терскими воеводами, посылать, и во всем ему, Сунчалаю-князю, над окочены и над черкасы быти князем и их ведати и беречи по сей нашей царской жаловальной грамоте* [Кабардино-русские отношения 1957: 84].

Грамота отдала в ведение Сунчалаея Черкасского и его потомков нерусское население Терского города и обеспечила ему влиятельное положение при терских воеводах. Кроме этого, Сунчалаей-мурза получил княжеский титул. С этого дня терские окочане, кабардинцы и другие инородцы оказались в зависимости от новоиспеченного князя. Такому повороту в судьбе терских окочан способствовало прежде всего то обстоятельство, что они были лишены своих предводителей (Ушаром-мурзы, Ших-мурзы, Батай-мурзы), могущих их защитить и возглавить при развитии разносторонних связей с Русским государством. И поэтому претендентами на эту роль становились кабардинские и дагестанские владельцы. Царь, с одной стороны, благосклонно относился к чеченцам, обещал им *всех жаловать*, а с другой — передал окочан в подчинение кабардинскому князю. Это соответствовало намерениям как московского правительства, так и местной русской власти, для которых важнее всего было упрочить позиции Русского государства на Северном Кавказе.

Ахмат и Ачелей уже после приема у царя написали на его имя челобитную о прибавке себе жалования: *А идет твоего царского денежного жалованья годовова мне, Ахметку, 5 рублей, а мне, Кочалайку твоего государева жалованья годовова 4 рубли. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси. Пожалуй нас, холопей своих, за наши службишко, вели, государь, нам своего царского денежного жалованья прибавить... чтоб мы, холопи твои, впредь твоей царской*

службы не отстали [Русско-чеченские отношения 1997: 62].

На обороте челобитной была сделана помета — запись решения: *Государь пожаловал, велел Ахмету прибавить своего государева жалованья — Ахмету 3 рубли, а Ачалею 2 рубли и жалованье на нынешний год дати ис Казанского дворца* [Русско-чеченские отношения 1997: 62].

В марте 1615 г. было подготовлено письменное обращение («память») из Посольского приказа в Казанский приказ об изготовлении жалования для отпуска северокавказских послов, среди которых, кроме окочан, были еще представители от кумыкского князя Гирея, кабардинского князя Солоха и Сунчалей-мурзы. Всем на отпуске было выдано государево жалование, которое состояло, как правило, из шуб, мехов, оружия, тканей, денег. Разница в количестве и ценности определялась ролью того или иного феодала в политической ситуации и взаимоотношениях России и Кавказа. Так как за Ахматом и Ачелеем не стояло ни князей, ни мурз (Батай-мурза, их глава, в 1609 г. оставил Терский город и тайно бежал в Окоцкую землю), то жалование им было скромное: *...окочанам Ахмету и Ачелею по сукну по доброму человеку* [Русско-чеченские отношения 1997: 72].

Не прошло и двух лет после первого челобитья терских окочан, как в 1616 г. они подали в Терскую приказную избу новое письменное прошение на имя царя по поводу притеснений со стороны князя Сунчалей. От всех служивых окочан челобитная подписана семью самыми почитаемыми сородичами. Это прежде всего Ахмат Иналов (Ахматко Иналиков), известный нам по первому обращению к царю. Именно он привез в Москву в 1614 г. поздравительную грамоту царю и челобитную от терских окочан. Остальные подписанты — это Келя Илзеяров, Урак Агулов, Черешаш Албеков, Одя Отеков, Урак Чамачокин, Балык Тавказаков. Почти все они упомянуты и в предыдущем обращении [Русско-чеченские отношения 1997: 73].

Окочане, терпевшие нужду на новом месте поселения, несли тяготы государевой службы, за что не всегда и с большим запозданием им выдавали государево жалование, о чем и сказано в челобитной 1614 г. К этому еще прибавился произвол со стороны владетеля — Сунчалей-князя. Москва была

хорошо осведомлена об их предводителе в Окоцкой земле — Ших-мурзе, верном союзнике России со второй половины XVI в., внесшем большой вклад во взаимоотношения России и Кавказа. *Преж, государь, сего мы, холопи твои государевы, жили в своей Окоцкой землице. И в той, государь, в Окоцкой землице большой был над всеми окоцкими людьми Ших-мурза Ишеримов. И того, государь, Ших-мурзу Ишеримова убил кумыцкий князь Ахматкан з братьею за то, что он, Ших-мурза, прямил и служил блаженныя памяти прежним московским государем* [Русско-чеченские отношения 1997: 73].

Претендентов на место Ших-мурзы среди соседних князей и мурз оказалось немало. Не желая быть покоренными чужому князю, окочане покидают родные места и переселяются в Терский город, под защиту терских воевод.

И как, государь, Ахматкан-князь убил Ших-мурзу и нас начал к себе звати, а землицею хотел Окоцкою владети. Да и иные, государь, многие горские князи и мурзы нас призывали к себе. И мы, холопи твои, не хотя им, горским князем и мурзам, служити и под ними в век быти, покиня свои дома и живот весь пометав, з женами своими и з детьми из Окоцкие землицы утекли душою да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терский город под твою царскую высокую руку на житье на век, и живем, государь, в Терском городе [Русско-чеченские отношения 1997: 73–74].

Жизнь в крепости резко отличалась от прежней привычной жизни в Окоцкой земле. Они столкнулись с новой моделью общественных отношений. Изменился их социальный статус: они стали частью государственной системы России. Численность русского гарнизона была незначительной. Надобность в служивых людях, выполнявших ответственные поручения, особенно из местных народов, была очевидной. Они знали языки, местность, обычаи, что значительно облегчало терским воеводам (начальникам гражданского и военного управления в крепости) проводить государственную политику на Кавказе.

Чтобы яснее представить царю суть своей государевой службы в Терском городе, окочане описали в челобитной всю ее тягость, а также ее важность для местной русской администрации. Без их участия

вряд ли бы терским служащим удалось осуществлять в таких масштабах: *Да нас же, государь, холопей твоих, твои государевы воеводы и дьяки посылают з детьми боярскими и с толмачами для твоих государевых дел во все горские земли, в Кумыки и в Черкассы и в Мерези и в Шибуты и в Мичкизы, и в Грузинскую землю и в Нагаи, для вестей турских и крымских и нагайских и в шихотниках для языков* [Русско-чеченские отношения 1997: 74].

Несомненно, эти ближние и дальние служебные поездки были сопряжены с риском. Присоединение северо-кавказских горных территорий к Российской империи усложнялось тем, что приходилось иметь дело в основном не с заинтересованными феодальными владельцами, а с многочисленными разрозненными горскими общинами. *И мы, холопи твои, з детьми боярскими и с толмачами во все те посылки ездили и вестей проводывали, и языки имывали и приводили к твоим государевым воеводам в Терский город. И в тех, государь, службах и в посылках многие наши товарищи окоцкие люди и братья наши племянники головы свои поклали, побиты насмерть, а иные за проданы в дальние земли в ясырство* [Русско-чеченские отношения 1997: 74].

Окочане, представляя среди чеченцев и других народов Северного Кавказа интересы Москвы, осведомляли их, рассказывали о разнообразных возможностях жизни в Терском городе, тем самым склоняя местных жителей к мысли о приобщении к России. *И многие, — пишут окочане, — государь, горские всякие люди, слыша от нас про твою царскую милость и жалованье и про твое государево величество и пространство Московского государства, приходили из гор на житье в Терский город з женами и з детьми, а в горах пометали дома свои и живот весь, надеючись на твою царскую милость и жалованье* [Русско-чеченские отношения 1997: 74].

Вслед за тем окочане приступили к главной теме в составленной и посланной московскому царю челобитной. В ней подчеркивается, что с тех пор, как они осели в крепости и стали нести государеву службу, непосредственным начальством их стали терские воеводы и дьяки (должностные лица административного учреждения). *А ведали над нами и судили нас, холопей твоих иноземцов, и управы меж нами чинили в*

Терском городе твои государевы воеводы и дьяки. А в походы и во всякие твои государевы службы преж сего мы ходили с твоими государевыми воеводами и з головами стрелецкими и с вольными атаманы казачьи. А опричь, государь, твоих государевых воевод и дьяков никто нас не судил и управу меж нами не чинил, и на твои государевы службы и в походы, опричь твоих государевых воевод и голов стрелецких и вольных атаманов казачьих, ни с кем не хаживали [Русско-чеченские отношения 1997: 74–75].

Все в корне изменилось для окочан в 1615 г. с назначением нового главы, Сунчала Черкасского, получившего от царя на это грамоту и титул князя. Окочане были уверены, что Сунчалею добился власти, чтобы отомстить им, необоснованно подозревая в убийстве своего брата Каншоки. В челобитной они дали следующее разъяснение этому случаю: в 1613 г. на Терский город приходили нагайские люди, все терские жители выступили против неприятеля, и в том бою нагайцами был убит брат Сунчала Черкасского: *И в том, государь, братне убийстве Сунчалею-князь сердце и неверку держит на нас, окоцких людей, будто мы убили брата его Каншоку* [Русско-чеченские отношения 1997: 75]. В челобитной следует каскад жалоб на бесчинства нового главы. За год с лишним их собралось достаточно много, чтобы терпению окочан пришел конец. Бежавшие из Окоцкой земли от притязаний соседних феодалов, через 20 лет жительства и государевой службы в Терском городе они оказались во власти Сунчала Черкасского, который пытался обратить подчиненных ему окочан в своих холопов, заставляя их *изделья² на него всякие делати, пашни пахати и сена косити* [Белокуров 1889: 553–561]. Он продал 4 окочан в рабство, напрасно обвинив их в убийстве своего *аргамачья жеребца*. Требуя за жеребца 100 рублей денег, Сунчалею взял с 3 человек *50 животных рогатых, коров и быков*, а у четвертого взял в холопи *жену и сослал ее в кабаки свои в Кабарду*. С возмущением писали окочане о несправедливости и жестокости князя, сочувствуя безвинно пострадавшим товарищам, их отлучению от царской службы и бедственному положению. *А жеребец немочон был, — написали окочане, — и волочился по степи*

² Изделье — барщина.

не за пастухом, съеден от зверей [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Злоупотребление князя очевидно и тогда, когда он забрал у 8 окончан насильством ис табуна 8 конев добрых и сослал в Кабарду в кабаки свои. По сообщению окончан³ Сунчалей приехал в город в съезжую избу к своему государеву воеводе к Петру Федоровичю Приклонскому и повелел нас в тюрьму сажати и кнутьем бити без твоего государева ведома и без вины и великую нам тесноту и изгоню чинит, хотя нас к себе в холопи взять и от твое царские милости отлучить [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Сунчалей подал терскому воеводе челобитную на имя царя с жалобой на окончан, обвиняя их в том, что они нарушают царскую грамоту, по которой велено ему ими ведать. Феодалные претензии Сунчалей встретили у окончан активное сопротивление. Подобной кабалы они избежали в конце XVI в. Окончане увидели в этом очередной подлог. Инкриминируя им неповиновение и нарушение царской грамоты, Сунчалей старался описать окончан царю как отступников — *изгоняючи нас и хотя от тебя, великово государя, нас, холопей, в пене⁴ и в опале видети и разогнати розно* [Русско-чеченские отношения 1997: 76]. Тут же окончане предупредили царя о последствиях его решения: горские люди, перед которыми они восхваляли царские милости и склоняли к переезду в крепость и переходу на российскую службу, *в Терской город на житье не будет отнюдь ни один человек*, потому как *послышат, что мимо твоих государевых воевод ведает над нами и судит нас во всем Сунчалей-князь и что нам от него великая изгоня и обида ... и нам, государь, от него, Сунчалей, всем разогнанным быти* [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Всеми силами окончане хотели донести до царя ошибочность принятия решения русского правительства в отношении их, ставших *по воле государя* подданными кабардинского князя. В заключительной части челобитной окончане попросили царя *взяти их к Москве*, и, если они в чем виноваты пе-

³ Съезжая изба — присутственное место, куда съезжались для официальных переговоров.

⁴ Пеня — зд. недовольство.

ред государем, *учинить* свой царский указ. *А не вели, государь, Сунчалейю князю нас ведати и судити и навек нас похолопитъ не вели; вели, государь, нас ведати и судити твоим государевым воеводам и дьяком по прежнему твоему государеву указу, чтоб нам, холопом твоим, в конец не погинуть и от твоего царского жалованья и милости не отстати* [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Однако в Москве не были намерены менять политику на Северном Кавказе, опирающуюся на горских владельцев. Центру было удобнее держать всех непредсказуемых инородцев под властью одного преданного лица, наделив его большими льготами, жалованием, титулом и беспредельной властью. Челобитная терских окончан была рассмотрена в правительстве. На отписке (донесении) терского воеводы Приклонского, при которой прислана челобитная, было отмечено: *Отписать, чтоб им [окочанам. — Т. М.] сказати. — Велено их Сююнчалейю ведати службою. А будет Сююнчалей станет им какую тесноту чинить, и они б на него били челом государю* [Белокуров 1882: 76].

Надо полагать, что рассматриваемая челобитная возымела свое действие и Сунчалей ведал отныне только *службою* окончан. В последующих челобитных терских окончан нет сведений о подвергании их подобным феодално-кабальным испытаниям со стороны Сунчалей (умер в 1625 г.) и его потомков. Сама челобитная 1616 г. явилась одной из форм борьбы окончан с феодалной эксплуатацией.

Литература

- Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Моск. глав. архива Мин-ва иностр. дел. Вып. 1. 1578–1673 гг. М.: Универ. тип., 1889. XL+584 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 478 с.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI — 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.
- Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигиздат, 1958. 336 с.
- Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М.: Вост. лит., 1997. 416 с.